Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Татьяна Смирнова-Нагнибеда: Математика – лучшее после фламандской живописи | Tatiana Smirnova-Nagnibeda: Mathématique est la meilleure chose après la peinture flamande

Автор: Надежда Сикорская, Женева , 06.09.2017.

Татьяна Смирнова-Нагнибеда в своем кабинете в Женевском университете (© Nashagazeta.ch)

Наше досье, посвященное русским ученым в Швейцарии, пополняется сегодня рассказом об еще одной нашей выдающейся соотечественнице – профессоре математики Женевского университета, любительнице фламандской живописи, классической музыки и горных лыж.

|

Le récit d’une compatriote remarquable, professeur de l’Université de Genève, amatrice de la peinture flamande, de la musique classique et de ski de montagne, s’ajoute aujourd’hui à notre dossier, consacré aux scientifiques russes travaillant en Suisse.

Tatiana Smirnova-Nagnibeda: Mathématique est la meilleure chose après la peinture flamande

Татьяна, на момент публикации этого интервью Вы будете в Санкт-Петербурге, где решили провести Ваш научный отпуск, sabbatical. Это обычная практика?

Да, по контракту раз в семь лет преподаватели имеют такую возможность. Я решила использовать ее, что выделить дополнительное время на собственную исследовательскую работу, побывать на нескольких профессиональных форумах. Плюс наверняка прочитаю какой-то курс в моем родном университете. Кроме того, в Петербурге сейчас задумывается большой проект, связанный с алгеброй, в котором меня пригласили участвовать.

То есть «полноценно отдохнете», вся понятно. Женщина в математике – это, конечно, не космонавт, вас больше, чем Терешковых, но все же это достаточная редкость, особенно на таком высоком уровне. Как Вы определили, что именно математика – Ваше призвание?

Насчет призвания, это сложный вопрос. А определила, наверное, немножко по инерции. Дело в том, что я – математик в четвертом поколении, причем по женской линии. Прабабушка была учителем математики в гимназии, бабушка заведовала кафедрой высшей математики в Гидрометеорологическом институте, во время войны составляла морские прогнозы для Северного флота, и мама тоже профессор прикладной математики в Санкт-Петербургском университете. Плюс к этому, папа-астроном.

На коллоквиуме во Фрибурге 10 лет назад! (Из личного архива)

Вот ларчик и открылся!

С одной стороны, да, но при всем при этом я колебалась и до последнего момента хотела поступать в Академию художеств, на искусствоведческое отделение. Но и после выбора профессии мне долго казалось, что лучшая работа в мире – куратор отдела фламандской живописи в Национальной галерее в Лондоне! Но сейчас я свою работу на нее уже не променяла бы.

А как относились к Вашим колебаниям родители?

Родители не то чтобы пытались на меня повлиять, но им казалось, что в смысле образования искусствоведческое отделение уступало матмеху, что матмех надежнее. Кроме того математика мне тоже всегда нравилась и еще очень нравилась компания родительских друзей, среди которых было много математиков. Я поступила в Санкт-Петербургский университет, где познакомилась со многими людьми, действительно увлеченными математикой, обстановка на факультете была прекрасная, учиться было интересно.

Как Вы оказались в Швейцарии?

По студенческому обмену. Тогда существовала программа обмена студентами между Лозаннским и Санкт-Петербургским университетами, может, она существует и до сих

пор. Традиционно с российской стороны в ней участвовали только филологи с французского отделения. И в какой-то момент было решено этот «блок» разнообразить – пришла разнарядка: отобрать участников с других факультетов.

С Пьером Лагарпом и коллегой из США в Diablerets, где математики традиционно проводят «лыжные» конференции по схеме утром доклады, после обеда лыжи, вечером опять доклады.

Вы уже знали тогда французский?

Не то чтобы знала, но год занималась на французских курсах, о чем узнал кто-то из факультетской администрации. И мне предложили. Честно говоря, я даже не знала, где Лозанна находится, искала во Франции. Потом, по ассоциации с Набоковым, вспомнила. И поехала. Шесть месяцев мы интенсивно учили французский в чудесной школе – Ecole du français modern при Лозаннском университете. Ни о какой математике речь не шла.

Однако, зная дальнейшее развитие событий, мы догадываемся, что все же зашла!

Дело в том, что перед моим отъездом из Санкт-Петербурга мой научный руководитель упомянул, что знаком с одним швейцарским математиком, по имени Пьер де Лагарп. (Потом выяснилось, что он потомок того самого знаменитого Лагарпа.) В какой-то момент я увидела объявление о заинтересовавшем меня

математическом мероприятии, на которое я решила пойти. Вел его как раз профессор де Лагарп. Я подошла к нему во время аперитива, представилась, и он сразу пригласил меня приехать на семинар в Женевский университет. Так я познакомилась со всей здешней группой. Когда мой обменный период подходил к концу, женевские математики предложили продлить мне визу и пригласили поехать с ними на конференцию во Францию, тема которой была созвучна теме моего диплома. В итоге Лагарп предложил мне подать заявление в аспирантуру, и уже через полгода, защитив диплом в Санкт-Петербурге, я вернулась в Швейцарию как математик. Это был 1992 год.

Согласитесь, такие чудеса стали возможны только благодаря перестройке…

Конечно. Плюс и в Санкт-Петербургском, и в Лозаннском университетах были очень прогрессивные ректоры, которые заключили соглашение еще в середине 1980-х.

С мужем в Хельсинки летом этого года, перед балом, заключающим торжества, связанные с получением Станиславом Смирновым почетной докторской степени Университета. (Из личного архива)

Обмен – это хорошо, но с другой стороны, Вы – наглядный пример утечки мозгов.

Можно так сказать, хотя я намеренно к этому не стремилась, просто так сложились обстоятельства.

Тем не менее, связь с Россией не прерывается и здесь. Известно, что на

кафедре высшей математики Женевского университета работает много наших соотечественников.

Это сейчас, а когда я приехала в аспирантуру, то ни было ни одного! Основной приток произошел уже после моего окончания аспирантуры, в конце 1990-х. Вообще, русских в Швейцарии стало гораздо больше, а в начале моего пребывания здесь мы еще были экзотикой. По обмену со мной приехала очень активная девочка с факультета журналистики, которая сразу начала наводить контакты, и про нас написали в L'Hébdo. Разумеется, сейчас приезд каких-то двух русских студенток такого интереса не вызвал бы.

Не создает ли такое сильное присутствие русских на вашей кафедре противостояния между школами?

Нет. Профессора на нашем отделении работают достаточно независимо, никто не пытается ничего никому навязывать, у каждого своя исследовательская группа, свои фонды, свои темы.

Семейство Смирновых в Нью-Йорке: пока Татьяна делала доклад в Graduate Center, остальные лазали на Empire State Building - это как раз напротив. (Из личного архива)

Простите за вопрос человека непосвященного: а какие нужны фонды для математических исследований?

Конечно, менее значительные, чем для исследований экспериментальных. Основной

источник наших ресурсов – Швейцарский национальный фонд научных исследований. Нам нужны деньги на то, чтобы платить зарплаты аспирантам и постдокам, организовывать конференции, приглашать коллег сюда и ездить самим, выписывать журналы. Кстати, тут есть огромная разница с соседней Францией: там на университетском отделении может быть 40 постоянных сотрудников и 10 аспирантов, а в Швейцарии – ровным счетом наоборот. Одно из объяснений такой ситуации именно в том, что в Швейцарии есть фонды для приглашения специалистов, что создает большой динамизм и возможность установления новых контактов, развития новых проектов. Поскольку речь зашла об аспирантах, похвастаюсь: один из «моих», Поль-Анри Лиман, в июне этого года получил приз за лучшую диссертацию Le Prix Vacheron Constantin des Sciences, который вот уже почти 70 лет регулярно присуждает известный часовой бренд, рекламу которого можно увидеть в вашем печатном приложении.

Если просто обозначить – из чего состоит Ваша работа?

Два основных дела – преподавание и научные исследования. Преподавания у нас не очень много – около трех часов в неделю лекций, плюс, конечно, подготовка, разработка курсов, работа со студентами. Ну, а научная работа, кроме главного - собственно исследований, включает в себя написание и публикацию научных статей, участие в конференциях, руководство аспирантами и постдоками, реферирование статей коллег, участие в разных совместных проектах...

Если не ошибаюсь, мы с Вами отчасти коллеги, ведь Вы редактируете целых два специализированных журнала.

Это правда. Один из них, L’Enseignement Mathématique, - один из старейших математических журналов Европы, он был основан в Женеве еще в 1899 году и является официальным органом Международной комиссии по вопросам преподавания математики, печатает его Европейское математическое общество. Это, безусловно, научный журнал, но с исторической составляющей, и этим он отличается от своих собратьев. А еще я являюсь ответственным редактором уже чисто научного журнала «Groups, Geometry, and Dynamics», также издаваемого Европейским математическим обществом. Это издание – по моей специальности. Так что, видите, работы много, она разнообразная и интересная.

С мамой в новой Мариинке. (из личного архива)

И это подводит нас к всегда остро стоящему вопросу о роли женщины в обществе и о том, как удается совмещать активную жизненную позицию с обязанностями жены и мамы.

С одной стороны, мне грех жаловаться, поскольку в академической сфере нет жестких присутственных часов, и я не должна отсиживать на работе от и до. Могу прийти в офис в 10, с утра позанимавшись своими делами. Плюс каникулы дают возможность побыть с семьей. А минус в том, что твоя работа всегда с тобой. Куда бы мы ни ехали, если надо послать рецензию к определенному сроку или статью в журнал, то никакие отговорки типа отпуска в расчет не принимаются. Автоматический ответ «out of office» я могу позволить себе установить максимум на два дня. В этой ситуации понимающий муж, работающий в той же области, - это большой плюс.

Ваш муж – это вообще отдельная тема. Думаю, многие читатели уже догадались, что речь идет о Станиславе Смирнове, выдающемся российском математике, обладателе Медали Филдса, математического эквивалента Нобелевской премии. Не создает ли наличие мужа-знаменитости некоего профессионального соревнования в семье?

Ну, знаменитый математик это все же не голливудская звезда, на улицах узнают редко. А насчет соревнования, нет, такого нет, тем более, что мы занимаемся

разными темами. Теоретически, мы могли бы написать вместе какую-то статью, но есть и более интересные вещи, которые хочется пообсуждать в семейном кругу. Хотя и про математику речь иногда, конечно, заходит.

Я знаю, что после получения Станиславом медали Филдса вы получили много предложений от самых престижных университетов. Однако решили остаться в Женеве.

Да, в Принстоне нам уже предлагали выбирать дом. Но к этому моменту уже все знали, что я хочу жить в Европе. Гораздо острее вопрос стоял, когда мы только окончили аспирантуру и поженились. Надо было вместе искать работу, при этом Стас до этого был аспирантом и постдоком в Америке, а я здесь, в Швейцарии. В тот момент давление в сторону «следовать за мужем» было довольно сильным, но я совершенно не жалею о принятом решении и Стас, думаю, тоже – его карьере это не помешало.

Кстати, о Принстоне. Весной этого года Вы читали лекции в этом престижнейшем университете. В каком контексте это происходило?

Я получила приглашение от университетской школы «Женщины и математика» («Women and mathematics»), существующей с 1993 года по инициативе известного математика из Техаса Карен Улленберг. Программный комитет, состоящий из женщин-математиков, подходит к своей работе очень серьезно и тщательно отбирает коллег, способных рассказать что-то интересное самым многообещающим студенткам, которые съезжаются со всей страны. Каждый год определяется какая-то актуальная тема и предлагаются четыре курса, два более базовых и два более продвинутых. Тема в этом году была «Геометрия и случайность в теории групп», а я читала один из продвинутых курсов. Конкурс на места слушателей большой, публика разнообразная – от студентов 2 курса до постдоков, которые сами уже специалисты в данной области.

Но и в зале, и на кафедре – только женщины?

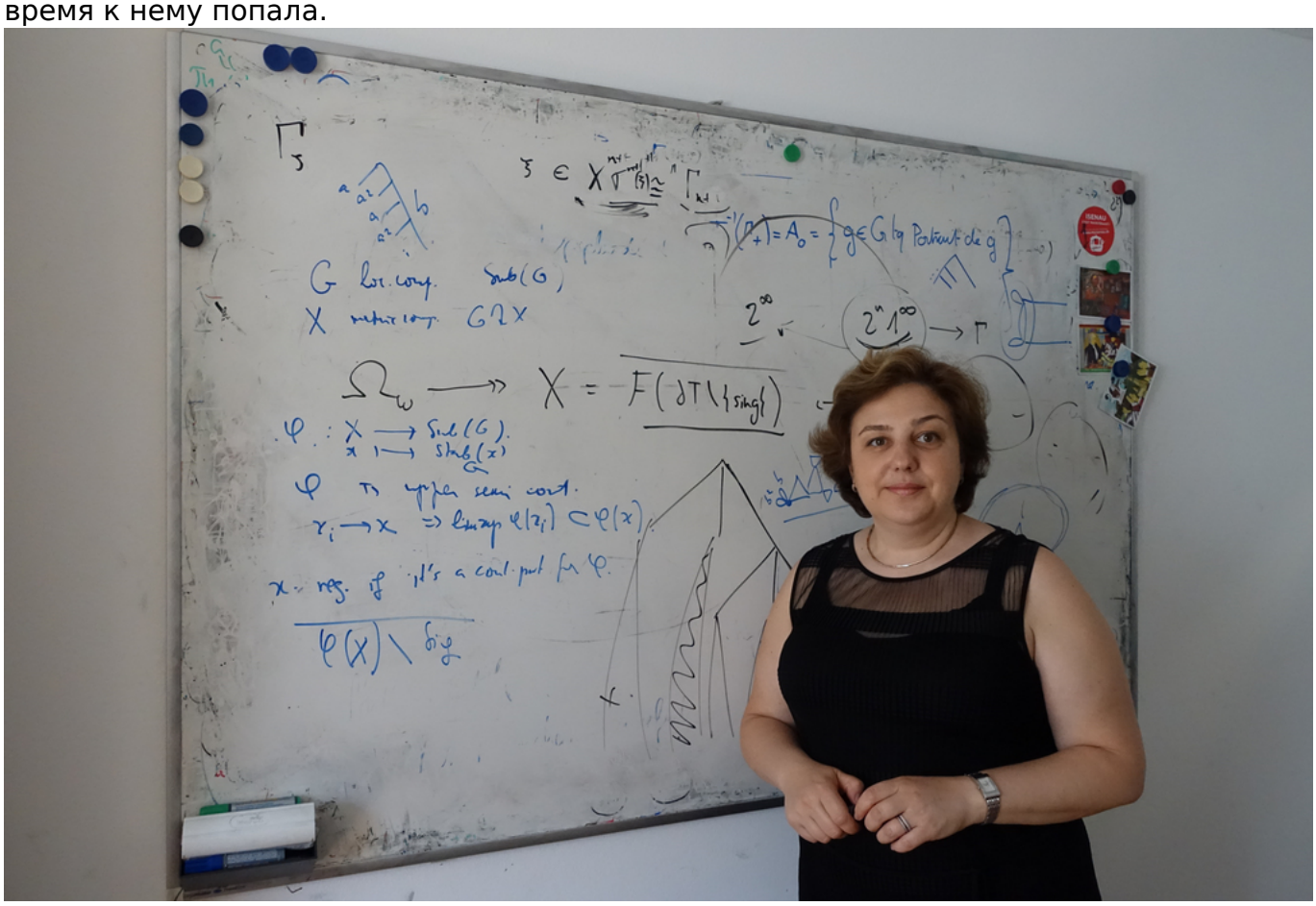
Да, и в этом, наверное, небольшой минус школы. Для моделирования реальности надо было бы посадить в зал много-много женщин и парочку мужчин, чтобы они почувствовали себя в том меньшинстве, в котором обычно чувствуем себя мы.

Неужели даже в области математики проявляется пресловутое гендерное неравенство, и Вы ощущаете некую снисходительность к себе со стороны коллег-мужчин?

Представьте себе, да, бывает. Но должна сказать, что моей карьере это никогда не мешало, и в в целом отношение уважительное и скорее положительное.

Как воспринимают Вас Ваши швейцарские и зарубежные коллеги – как представителя русской математической школы или уже швейцарской?
Скорее, швейцарской. Аспирантуру я заканчивала в Женеве, атмосфера кафедры оказала на меня огромное влияние, и позже моя самостоятельная карьера складывалась тоже здесь. При этом я всегда с удовольствием рассказываю, что еще до Женевы писала диплом у известного петербургского математика А. М. Вершика, которого за рубежом многие знают и уважают. Во многом благодаря этому началась

моя математическая карьера и швейцарские связи, так что я очень рада, что в свое время к нему попала.



И снова на рабочем месте! (©Nashagazeta.ch)

Если папа с мамой математики, то «обречены» ли дети? Я имею в виду конкретно ваших.

Мне кажется, что нет, по-крайней мере, мы не настаиваем. Наши дети не занимаются специально математикой, не ходят ни в какие математические кружки, у них явно творческие наклонности. Дочь очень много занимается музыкой, фортепиано и скрипкой, спортом, а сын проявляет способности к архитектуре. Так что, думаю, линия женщин-математиков в нашей семье на мне прервется.

Ваша семья ведет очень активный образ жизни: вас часто встречаешь на вернисажах, на концертах, вы все катаетесь на лыжах…

Это да, и тут надо сказать, что хотя интересные художественные выставки в Женеве редкость, зато в области классической музыки мы не уступаем мировым столицам, что просто прекрасно! А что касается лыж, то как же жить в Швейцарии и не кататься?!

Есть ли что-то, о чем я не подумала Вас спросить, но что Вам хотелось бы сказать нашим читателям?

Есть! Мне хочется сказать, что я очень люблю Нашу Газету, регулярно читаю и онлайн издание, и печатное приложение, особенно мне нравится ваше освещение культурной жизни страны. Благодаря вам наша жизнь в Женеве стала ярче и

интереснее. Так что желаю Вам поддержки, любви не только читателей, но и спонсоров, и процветания!
Женева
Статьи по теме
Станислав Смирнов: «Математика – как музыка, только правила строже»
Профессор Женевского университета россиянин Станислав Смирнов получил медаль Филдса
Татьяна Самровски: «Быть умным – не стыдно»

Source URL:
http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/tatyana-smirnova-nagnibeda-matematika-luchshee-posle-flamandskoy